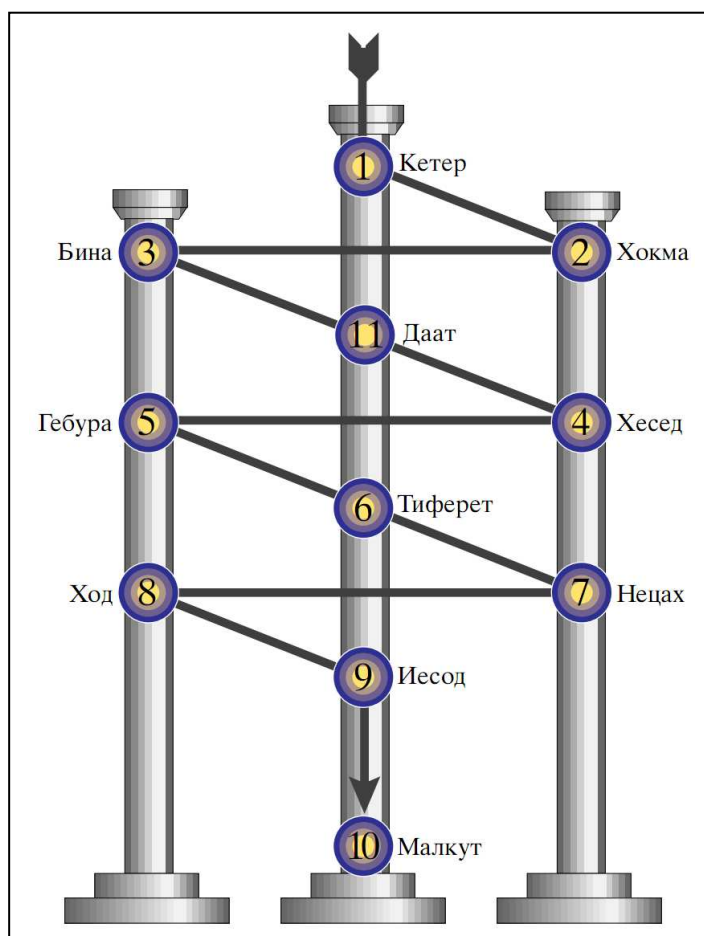

ГЛАВА 24

Извлечение мастера

Сефира 9. Наименование: *Иесод, Основание.*

Топология: *В основании Колонны Равновесия.*

План: *Йецира.*

Планетарное соответствие: ♃ *Луна.*

Зодиакальное соответствие: ♋ *Рак; египетское название Скарабей.*

Имя Божье: *Шаддай эль Хаи, Бог Живой Всемогущий.*

Гностический символяриум: *Постоянство новизны в неизменном Основании; Ос — ось — ось: осевой принцип в архитектонике положения; Фундаментальная необходимость медиатора, посредника, катализатора, Христовой «закваски», «соли земли»; Магическое зеркало Земли; Стремление к циклическому совершенству; Удвоение без снижения качества; Символ Атланта; Скала, она же шкала; Ткацкая основа; Безмолвие как фон; Магнит.*

Сефиры 9 и 10, *Малькут* и *Иезод* образуют собственно ствол Кабалистического древа. Та же нагрузка падает на Двадцать третью и Двадцать четвёртую главы Романа: *основные* события происходят в них. Лунная характеристика сефиры подтверждается появлением Мастера. Разговор с Воландом закладывает фундамент грядущего присутствия автора “романа о Пилате” в горних сферах.

...И тут Маргарита переступила порог. В знакомой ей комнате всё было как прежде; неспешной толстовской обстоятельностью Булгаков побуждает вспомнить название «После бала», гротесково соотносящееся с происходящим. В комнате были всё те же, но Гелла не колдовала над коленом Мессира, надобность в симпатической магии уже отпала.

— Ну что, вас очень измучили? — спросил Воланд.

— О нет, мессир, — ответила Маргарита, но чуть слышно.

— Ноблесс оближ, — заметил кот и налил Маргарите какой-то прозрачной жидкости в лафитный стакан.

— Это водка? — слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

— Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это — чистый спирт!”

Счастливое озарение заставило Булгакова заменить водку на спирт. Дело не только в комическом эффекте пассажа, дело в смысловой глубине последнего слова. *Спирт, spiritus* значит *дух* — и целая гроздь символов зависает в воздухе над диалогом.

Во-первых, и главное: капитальная связь всей “бригады” с *Духом Святым*, энергией которого и производились все основные акции *действия*.

Во-вторых, *летучесть, лёгкость*, которая подразумевалась, несмотря на всю тяжесть выпавших на долю Маргариты перипетий.

В-третьих, *сгущённость, концентрированность, стопроцентность*; никакой “воды”, адаптации и второсортности.

В-четвёртых, спирт как “огненная вода” рекомендован Маргарите после испытания, повысившего её энергетическую структуру до *огненного* состояния.

И в-пятых, предлагая ей выпить чистого спирта, Кот помогает Маргарите вернуть “присутствие духа”. А это не хухры-мухры.

“Маргарита улыбнулась и сделала попытку отодвинуть от себя стакан.

— Смело пейте, — сказал Воланд, и Маргарита тотчас взяла стакан в руки”.

Урок с кровью не прошёл даром. Маргарита прилепилась к Высшим Силам, и мощь Мессира, потрясая, перестала её пугать.

“После второй стопки, выпитой Маргаритой, свечи в канделябрах разгорелись поярче и в камине прибавилось пламени. Никакого опьянения Маргарита не чувствовала”.

Светоносцы-канделябры — символы и гербы Люцифера — уравнились в функциях с компанией, принявшей горючего внутрь. Это-то и заставило их разгореться.

“— Ах, как приятно ужинать вот этак, при камельке¹, запросто, — дребезжал Коровьев, — в тесном кругу...

— Нет, Фагот, — возражал кот, — бал имеет свою прелесть и размах.

— Никакой прелести в нём нет и размаха также <...>, — сказал Воланд”.

Сказал, как отрезал. А что подразумевал, так и осталось за пределами понимания.

Между тем поверх мишуры и брызг шампанского вставала суровая необходимость перетряхивать раз в году находящуюся в его ведении слежавшуюся заваль. Ведомству Иешуа Га-Ноцри среди этих моральных уродов делать нечего, хотя профаны уверены, что милосердие и беспринципность — одно и то же. Слюнтяйство и бесхребетность, во что, прибедняясь и стараясь разжалобить, пытается втянуть Истину изнеженный и капризный мещанский эгоизм, именно Воландом и его командой изничтожаются как возможность. Таково распределение ролей и, соответственно, обязанностей. Почему так и нужен Коровьев — бактериофаг.

Следует рассказ Бегемота “о том, как однажды он скитался в течение девятнадцати дней в пустыне и единственно, чем питался, это мясом убитого им тигра”. Существом с такими неограниченными возможностями довольно сложно придумать нечто, что они не смогли бы обеспечить исполнением. Даже наполнив прошлое событиями, дотоле в нём отсутствовавшими. Силу свою Кот продемонстрировал на Бенгальском (почти тигре). Поэтому для забавы хозяина и оттачивания его логического скальпеля приходится измышлять тигров в пустыне, играя метафорой солнца в числе *девятнадцать*, придумывать себе отшельнические скитания а la Аззелло, а также продолжать гастрономические извращения уже изустно.

После весёлого уличения Кота во вранье разговор перескакивает на виртуозный выстрел Азазелло в смысле “вернёмся к нашим баронам”.

“— А скажите, — обратилась Марго, оживившаяся после спирта², к Аззелло, — вы его застрелили, этого бывшего барона?”

— Натурально, — ответил Аззелло, — как его не застрелить? Его обязательно надо застрелить.

— Я так взволновалась! — воскликнула Маргарита. — Это случилось так неожиданно.

— Ничего в этом нет неожиданного, — возразил Аззелло...”

Закокетничавшая под градусом “Марго”, конечно, просто щебечет, а не “задаёт вопросы”; пытаясь обсуждать участь барона, она заранее ставит над ним безнадежный эпитет “бывший”. Последовавший за этим эмоциональный бульк Аззелло прерывает в стиле Мессира. “Женские штучки” в компании демонов не проходят.

Что касается эзотерической сути происшедшего, то *Стрелец* 15-го аркана убивает *Время* 14-го, которое выразительно олицетворяет *Скорпион*-Майгель. Высшая

¹ Мгновенно открывается краник, из которого начинает струиться прелестная пьеса Чайковского «У камелька» из фортепьянного цикла «Времена года».

² С исправл. известного авторского недосмотра.

гностическая логичность происшедшего не позволяет чернорабочему демону поддакнуть пьяной патетике Маргариты.

...“Детские” вопросы её не иссякают.

— Вот что мне не понятно, — говорила Маргарита, и золотые искры от хрусталя прыгали у неё в глазах, — неужели снаружи не было слышно музыки и вообще грохота этого бала?

— Конечно, не было слышно, королева, — объяснял Коровьев, — это надо делать так, чтобы не было слышно. Это *поаккуратнее* надо делать”.

Несмотря на наивную дураковатость вопроса (часто женщины спрашивают мнения мужчин, как бы ленясь соображать сами и заодно стараясь доставить им удовольствие), лепет Маргариты касается важного пункта метафизической разнесённости и физической сопряжённости двух разных видов *пространства-времени*.

Тщательное экранирование друг от друга параллельно происходящих событий строго соблюдается каждым из Ведомств, хотя абсолютной межведомственной непроницаемости тоже нет. Так, живая Маргарита присутствует на балу мертвяков и фантомов, туда же является и барон Майгель; если предварительная подготовка хозяйки бала (крем, купанье в Днепре и бассейне) сделала её “огнеупорной”, то сексот, проваливаясь в иное измерение, гибнет по причине несовместимости структур. Так что выстрел прозвучал одновременно со звонком в парадную дверь.

Трансцендентная компания Воланда не ведёт себя в земных условиях, будто разгулявшийся купчик в трактире. Её точечное вмешательство носит локальный, ювелирно очерченный и замаскированный характер и не нарушает фундаментальных основ бытия, установленных свыше (т. е. и Воландом тоже). *W & C° взбалтывают, но не выплёскивают; взбадривают, но не калечат.* «Довлеет дневи злоба его» — они не имеют к этой злобе никакого отношения. Другое дело, что *наказание* интерпретируется сознанием шkodливых профанов как “садизм” под подлую формулу “бес попутал”. Инквизиторы, живописуя кистью пыток изображение “сатаны”, создали суммарный автопортрет. Хотя те, над кем измывались “святые палачи”, часто были несколько не проницательнее.

Стало быть, всемогущество Воланда вполне соединимо с “аккуратностью”. Это хирургический принцип. И он свят и незыблем несмотря ни на какие марьино-рощинские “натурально”.

На минуту отвлёкшись на гэдэушников, разговор снова возвращается к стрелецкому мастерству Аззелло. По контрасту вспоминается разнузданно-дилетантский погром квартиры Латунского.

— Что это за критик Латунский? — спросил Воланд, *прищурившись* на Маргариту.

Аззелло, Коровьев и Бегемот как-то *стыдливо* потупились, а Маргарита ответила, *краснея*:

— Есть такой один критик. Я сегодня вечером разнесла всю его квартиру.

— Вот тебе раз! А зачем же?

— Он, мессир, — объяснила Маргарита, — погубил одного мастера”.

Конечно, вся компания знает о происшедшем. Знает и Воланд о каждом шаге Маргариты, как ни ничтожна для его орлиного ока мокричная мелкоскопичность Латунского. Трое же его помощников смущаются от базарного самосуда “королевы” и её истерично-грязной работы.

Тончайшая педагогика инициационной процедуры Рубедо продолжается. Правда, *краснеет* Маргарита больше от волнения, чем от сокрушения перед Господином по поводу своего произвола. — «Мне отмщение и Аз воздам».

Воланд не выговаривает ей, он делает рыцарский реверанс учтивости, и тут же Кот и Азazelло вызываются “добить гадину”.

Однако у Маргариты уже отлегло, её отходчивое сердце особенно радуется Мессира. И чтоб проакцентировать это, Коровьев подхватывает:

“Так на чём мы остановились, драгоценная королева Марго? <...> Ах да, *сердце*. В сердце он попадает, — Коровьев вытянул свой длинный палец по направлению Азazelло, — по выбору, в любое предсердие сердца или в любой из желудочков.

Маргарита не сразу поняла, а поняв, воскликнула с удивлением:

— Да ведь они же закрыты!

— Дорогая, — дребезжал Коровьев, — в том-то и штука, что закрыты! В этом-то вся и *соль*! А в открытый предмет может попасть каждый!”

Речь идёт об *инфарктах*, но Маргарите не до этих тонкостей в праздничной атмосфере отдохновения от приёма. Карнавальное обыгрывание темы продолжается, причём контрольно-показательный выстрел Азazelло в семёрку пик под подушкой вызвал шутовскую ревность Кота, но огонь последнего из двух стволов сразу кончился тем, что “взвизгнула Гелла, убитая сова упала с камина и разбитые часы остановились”. Сову не жалко, потому что она — символ ложной мудрости, время не действительно для Воланда и его команды, для Геллы, “у которой одна рука была *окровавлена*” (конечно, для «темы крови» и рубедности вообще), пуля воистину оказалась дура, а происшествие — не более чем игра. Застрельщик же Азazelло так и остался непобедим.

“Весёлый ужин продолжался”. Разомлевшую от “бутербродов с игрой” Маргариту “охватило чувство блаженства”. “Ей никуда не хотелось уходить, хотя и было, по её расчётам, уже *поздно*. Судя по всему, время подходило *к шести утра*”.

Протяжённость каждого из цепи событий, начиная с вылета в десять вечера, в сумме давали как минимум часов восемь, но Кот недаром грохнул часы, чтобы не смущать королеву такой ерундой, как время. Логика действия подсказывала, что по крайней мере его финал должен бы прийти на полночь. Однако и после него Маргарита, уже находясь в “комнате отдыха”, не ощущает наступление нового дня. Интуитивно она определяет происшествие в квартире Латунского как то, что случилось “сегодня вечером”; запутавшись в вопросе со временем, характеризует “шесть утра” как “поздно”. Этим словом она лишь пытается определить, что с ней возьмётся слишком долго, пора бы и честь знать.

“Воспользовавшись паузой, Маргарита обратилась к Воланду и робко сказала: — Пожалуй, мне пора... Поздно...”

— Куда же вы спешите? — спросил Воланд вежливо, но сухо. Остальные промолчали, делая вид, что увлечены сигарными дымными кольцами.

— Да, пора, — совсем смутившись от этого, повторила Маргарита и обернулась, как будто ища накидку или плащ. Её нагота вдруг стала стеснять её. Она поднялась из-за стола. Воланд молча снял с кровати свой вытертый и засаленный халат, а Коровьев набросил его Маргарите на плечи”.

“Кончен бал, погасли свечи”.

Звучит самое концептуальное слово Романа: *пора*.

Оно повторяется в самых важных, узловых точках повествования. И это, конечно, *по Ра*.

Маргарита роняет его дважды в присутствии самого “Князя тьмы”. Ибо *светает*. А спонтанность и искренность её слов только усиливают высшую правду происходящего. Наступает пик посвяtitельного пути.

“— Благодарю вас, мессир, — чуть слышно сказала Маргарита и вопросительно поглядела на Воланда. Тот в ответ улыбнулся ей вежливо и равнодушно. *Чёрная* тоска как-то сразу подкатила к сердцу Маргариты. Она почувствовала себя обманутой. Никакой награды за все её услуги на балу никто, по-видимому, ей не соби­рался предлагать, как никто её и не удерживал. А между тем ей совершенно ясно было, что идти ей отсюда больше некуда. Мимолётная мысль о том, что придётся вернуться в особняк, вызвала в ней внутренний взрыв отчаяния. Попросить, что ли, самой, как *искушающе* советовал Азазелло в Александровском саду? «Нет, ни за что!» — сказала она себе.

— Всего *хорошего*, мессир, — произнесла она вслух, а сама подумала: «Только бы выбраться отсюда, а там уж я дойду до реки и утоплюсь».

— Сядьте-ка, — вдруг повелительно сказал Воланд”.

Нигредо отчаяния заставляет мгновенно скатиться вниз, к подножию *Пути в гору*, к аркану *Сатанаил*. И если бы означенный персонаж был таким, каким его описывает христианская мифология, то ему остаётся только дьявольски захохотать и поставить на раскляченного человека свою хищную победоносную стопу...

Стоп!

“— Сядьте-ка, — вдруг повелительно сказал Воланд.

Маргарита изменилась в лице и села.

— Может быть, что-нибудь хотите сказать на прощанье?

— Нет, ничего, мессир, — с *гордостью* ответила Маргарита, — кроме того, что если я ещё нужна вам, то я *готова охотно исполнить всё, что вам будет угодно*. Я ничуть не устала и очень веселилась на балу. Так что, если бы он и продолжался ещё, я охотно бы предоставила моё колено для того, чтобы к нему при­кладывались тысячи висельников и убийц. — Маргарита глядела на Воланда, как сквозь пелену, глаза её наполнялись слезами”.

Вся человеческая шушера обоих полов, ползающая по церквам, давным-давно сломалась бы и побежала с тараканьей прытью замаливать “грех” общения с Сатаной и служения ему. Маргарита, описанная Булгаковым без всякой патетической гиперболизации, — *выдержала*. Хор, добросердечно посланный ею Мессирю, и её

укрепляет в твёрдости. Это вам не размазня Фауст. Свою солнечную суть Маргарита не замутила малодушным суеверным отступничеством.

— Верно! Вы *совершенно правы!* — гулко и страшно прокричал Воланд. — Так и надо!

— Так и надо! — как эхо, повторила свита Воланда.

— **Мы вас испытывали,** — сказал Воланд, — никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут. Садитесь, *гордая* женщина. — Воланд сорвал тяжёлый халат с Маргариты, и опять она оказалась сидящей рядом с ним на постели. — Итак, Марго, — продолжал Воланд, смягчая голос, — чего вы хотите за то, что сегодня были у меня хозяйкой? Во что цените ваше колено? Каковы убытки от моих гостей, которых вы сейчас наименовали висельниками? Говорите! И теперь уже говорите без стеснения, ибо предложил я.

Сердце Маргариты застучало, она тяжело вздохнула, стала соображать что-то.

— Ну, что же, смелее! — поощрял Воланд. — Будите свою фантазию, прищипывайте её! Уж одно присутствие при сцене убийства этого отпетого негодяя — барона стоит того, чтобы человека наградили, в особенности если этот человек — женщина. Ну-с?”

Вот она — *победа!* Испытание выдержано. А “*совершенно правы!*” — высший аттестационный бал.

Экзаменационная комиссия снимает карнавальные маски, менторские мины и экранирующие вуали. В первый раз Воланд говорит Маргарите “вы” уважительно, а не политесно.

Звучит очередная заповедь Евангелия Сатаны: великая сентенция о просительстве, ныне отчеканенная в сердцах всего просвещённого человечества.

На мужество и справедливость Маргарита испытана. Награды ей не миновать...

“Но в это время” Ведомство Милосердия, заинтересовавшись необыкновенной женщиной, присылает “дополнительный вопрос”, ответ на который должен поднять статус испытуемой ещё выше. Божественный разум — *нус* и животный рассудок — *эго* должны вступить в последнюю схватку в её “трепетном сердце”, хотя снисходительный Воланд “надоумливает” даму на правильный выбор своим “старорежимным” междометием-подсказкой “Ну-с?”.

Начинается эпизод с Фридой.

И снова несгибаемый Экзаменатор, когда у него неожиданно потребовали *поднять планку ещё выше*, ласково, но твёрдой рукой перемещает движок по шкале.

— Так я, стало быть... могу попросить... об одной вещи?

— Потребовать, потребовать, моя донна, — отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, — потребовать одной вещи.

Ах, как ловко и отчётливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты — «одной вещи»!

— Я хочу, чтобы Фриде перестали подавать тот платок, которым она удушила своего ребёнка”.

Мессир уверен в своей подопечной и заранее называет её *мадонной*, да и в слове *вещь* намекает на *вещее, весть, ангелическое*; он не сомневается в ней — и не скрывает улыбки. Ответ Маргариты, проигнорировавшей грозный рокот цифири, заставил его даже блаженно усмехнуться.

Рассуждая вслух о бескорыстности Маргариты и “дуре Фриде” (ей и ждать-то оставалось совсем немного), Воланд переводит разговор в весёлый добродушный фарс. Теперь уже **все** испытания кончились, можно и расслабиться в шутовстве неутомимого Бегемота.

“— ...Остаётся, пожалуй, одно — обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни!

— Вы о чём говорите, мессир? — изумилась Маргарита, выслушав эти действительно непонятные слова. <...>

— Я о милосердии говорю, — объяснил свои слова Воланд, не спуская с Маргариты огненного глаза. — Иногда совершенно неожиданно и коварно оно пролезает в самые узенькие щёлки. Вот я и говорю о тряпках”.

И уже не в зачёт, но любуясь отличницей, задал ей обычный “прощупывающий” вопрос:

“— Вы, судя по всему, человек исключительной доброты? Высокоморальный человек?”

Помните вопрос буфетчику: “Ведь вы человек бедный?” — Вот только ответ оказался не соковским.

“— Нет, — с силой ответила Маргарита, — *я знаю, что с вами можно разговаривать только откровенно*, и откровенно вам скажу: я легкомысленный человек. Я попросила вас за Фриду только потому, что имела неосторожность подать ей твёрдую надежду. Она ждёт, мессир, она верит в мою мощь. И если она останется обманутой, я попаду в ужасное положение. Я не буду иметь покоя всю жизнь. Ничего не поделаешь! Так уж вышло.

— А, — сказал Воланд, — это понятно.

— Так вы сделаете это? — тихо спросила Маргарита.

— Ни в коем случае, — ответил Воланд. — Дело в том, *дорогая королева*, что тут произошла маленькая путаница. Каждое ведомство должно заниматься своими делами. Не спорю, наши возможности довольно велики, они гораздо больше, чем полагают некоторые, не очень зоркие люди... <...> Но просто, какой смысл в том, чтобы сделать то, что полагается делать другому, как я выразился, ведомству? И так, я этого делать не буду, а вы сделаете сами”.

Теперь “понятно”: действительно *королева*, действительно *мадонна*, а не обманутая сирота, решившая утопиться. Поэтому и прощённая Фрида простирается перед ней *крестом*. Правда, Булгаков иронически даёт понять: экзальтированность Фриды — пародия на *Экзальтацию (Путь в гору)*, что одолела Маргарита. Мановение руки Воланда — и Фрида исчезает как недоразумение.

“— Благодарю вас, прощайте, — сказала Маргарита и поднялась.

— Ну что же, Бегемот, — заговорил Воланд, — не будем наживаться на поступке непрактичного человека в праздничную ночь, — он повернулся к Маргарите, — итак, это не в счёт, я ведь ничего не делал. Что вы хотите для себя?

Наступило молчание, и прервал его Коровьев, который зашептал на ухо Маргарите:

— Алмазная донна, на сей раз советую вам быть поблагоразумнее! А то ведь фортуна может и ускользнуть.

— Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, — сказала Маргарита, и лицо её исказилось судорогой”.

После исповеди, от которой расплакались бы даже камни, она прощается и не клянчит. Правда, Воланд предусмотрел возможную травму подопечной своей снисходительностью. Для Маргариты остановлено не только время, но и счёт. Вернее, её акция *посчитана* совсем в другом Ведомстве. И Воланда это нисколько не раздражает. Исключение из правила должно быть уникально. На что и намекает Коровьев. Маргарита же всё схватывает на лету.

Напряжение момента — до *судороги* — пронзительно только для экзаменуемой. Всемогушим Мессирю и Бегемоту только что прозвучавшее — шутка, радость и весёлый бурлеск.

Действительно, если “королева”, а не фальсификат, то и *королевская щедрость* — норма. И оправдываться Маргарите не в чем. А выворачивание наизнанку свидетельствовало лишь о глубине и высоте её отношения к *тому*, с кем она говорила. И ещё — о золоте её души.

Воланд и это заранее оценил. Чтобы Сатанаил кого-то назвал *мадонной* — очень дорогого стоит. Да что там — это просто **бесценно**. Ибо Маргарита, находясь под внимательным оком Главы Ведомства Милосердия, явила *эталонное* отношение к Его любимому Брату — Главе Ведомства Справедливости. И это несмотря на всю прикровенность Их трансцендентного единства, делающую *такое* отношение ещё более драгоценным. — *Мадонна*, воистину *мадонна*.

Поэтому Мастер ей был заранее приготовлен. И только ждал знака, чтоб появиться. Является же он *в духе*, ибо *ветер* и *Дух* (Святой) — одно слово и одно понятие (ивр. Руах).

“Тут в комнату ворвался ветер, так что пламя свечей в канделябрах легло, тяжёлая занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далёкой высоте открылась полная, но не утренняя, а полночная луна. От подоконника на пол лёг зеленоватый платок ночного света, и в нём появился ночной Иванушкин гость, называющий себя мастером. ...а лунный поток кипел вокруг него”.

Так воссоединяются — теперь уже навсегда, выстрадав свою встречу, две половины творческого феномена, создавшего невероятный роман о Пилате, какому удивились даже Небеса. *Ведь* чтобы дописать тот небольшой кусок в неделю работы, Мастеру потребовалась *она*, *Ма*. Он — роженица, она — повивальная бабка. Но узнали они об этом только сейчас. Перед лицом Сатаны.

“Больной опустил голову и стал смотреть в землю угрюмыми, больными глазами.

— Да, — заговорил после молчания Воланд, — его хорошо отделали. — Он приказал Коровьеву: — Дай-ка, *рыцарь*, этому человеку чего-нибудь выпить. <...>

После того как мастер осушил второй стакан, его глаза стали живыми и осмысленными.

— Ну вот, это другое дело, — сказал Воланд прищуриваясь, — теперь поговорим. Кто вы такой?

— Я теперь никто, — ответил мастер, и улыбка искривила его рот”.

На мгновение карнавал пригасает, из-под масок показывается рыцарское обличье и совсем не гаерский серьёз. Хотя — как всегда — ни паники, ни бульканья эмоций, ни растерянности перед обстоятельствами. И мистическая, лунная структура Мастера моментально реагирует на этот необычный духовный климат. Велеречивое, хотя и справедливое, “я — мастер” не выскакивает кукушкой на ходиках; вопрос задан так полномочно, что бахвальству просто не остаётся места. Для самоидентификации в этот *ответственный* момент нужна «его половина», и Высшие Силы давно позаботились о её присутствии на “месте событий”.

“— Он мастер, мессир, я вас предупреждаю об этом! Вылечите его, он сто́ит этого!

— Вы знаете, с кем вы сейчас говорите, — спросил у *пришедшего* Воланд, — у кого вы находитесь?

— Знаю, — ответил мастер, — моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас”.

Что ж, ответ *мастерский*. Он не только точен, но и закамуфлирован под “случайное стечение обстоятельств”, дабы, не дай Бог, не приписать себе лишнего.

“— Как же, как же, — отозвался Воланд, — я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах. Он едва самого меня не свёл с ума, доказывая мне, что меня нету! Но вы-то верите, что это действительно я?

— *Приходится* верить, — сказал *пришелец*, — но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации. Извините меня, — спохватившись, прибавил мастер.

— Ну, что же, если спокойнее, то и считайте, — вежливо ответил Воланд.

— Нет, нет! — испуганно говорила Маргарита и трясла мастера за плечо. — Опомнись! Перед тобою действительно он!”

То, что Мастера не перенесли по воздуху, не доставили, взяв за шиворот, Булгаков специально оговаривает. Именно поэтому “пришедшему пришельцу” *приходится* верить. Но пациент клиники Стравинского, ещё вчера гордо гарцевавший перед невежественным охламоном, вдруг скукожился, пожух и завял, и величественный и милостивый (в душе) Мессир прощает ему эту невольную слабость.

Маргарита, ошарашенная действием Мессира, не может допустить этой расплывчатости. Она подтверждает возлюбленному с исповедальной истовостью: это *действительно* Он!

Впрочем, такова разница между *знанием* и *верой*: знание — скала, вера — огонёк на ветру. Ведь Мастер всё происходящее воспринимает как сонное видение, пригрезившееся ему в “доме скорби”. Скорбь же не имеет права быть слишком от-

чётливой. Словно сквозь вату самозащиты воспринимает он невероятную картину происходящего. Мастер ещё “не совсем здесь” — в отличие от Маргариты. Поэтому только ей доподлинно известно: это действительно он!

Но кто — он?

Булгаков и *открыл* это слово. О Фаланде-Valand’е было сказано ранее, и Гётевских реминисценций в Булгаковском изобретении немного. Во-первых, это не *юнкер*, во-вторых, не чёрт второго разряда. Это — *Сам, Хозяин, Глава* Ведомства Справедливости, т. е. *Люцифер* в своём архетипическом первоисточнике. Но *здесь*, в эманативном существовании, Он — Сатанаил, Хозяин Земли (совместно с Планетарным Логосом), Он — Глава одного из двух Ведомств. Его задача — экзаменовывать, блюсти закон кармы и воздаяния, судить и наказывать виновных. Имя, найденное Булгаковым, содержит невероятное богатство смыслов, связанных с этим высоким званием. Латинское VOLAND (или WOLAND) даёт такую смысловую развёртку:

1) Vol — полёт; отсюда *волчок*, находящийся в момент вращения в состоянии преодоления закона гравитации.

2) Vol — воля, волевой; volens polens — волей-неволей; отсюда — волонтёр, доброволец. В ранней редакции: “Исполню *волю* пославшего” (6; 433) — переключка с Главой другого Ведомства, Они сообща исполняют Волю Божью.

3) Вол — Телец, созвездие *отцов* и *старших братьев*, опекающих младших созвездия Овен — агнцев Божиих.

4) Вол и Осёл — два первых апостола Христа; и поскольку осёл — символическое животное Сатанаила, то он дважды первый.

5) Палиндром Лов, отсюда *ловитва*, приводит к завету Христа, обращённому к апостолам: *Будьте ловцами человеков*. Связь русского *сеть* с египетским богом Сетом несомненна. Невозможность осуществления *ловитвы* без *лукавства*, т. е. ловецкой хитрости с обманом и маскировкой, — самоочевидна. Важно, чтобы хитрость была направлена *за*, а не *против* человека. (С этой же целью облатки горьких лекарств делают из глюкозы, а матери отправляют кашу детям в рот, отвлекая показом птички.)

Вообще, Учётеля-Христа можно допускать только до аудитории *готовых*; с капризом и выходками *неготовых* должен возиться Сатанаил. — Что он и делает.

6) В слове *волчок* уже проглянул маленький, изящный, подтянутый *волк* — бессмертный *санитар леса*. А это Vol(&)C°.

7) Буква W в паспорте иностранца не только становится буквой M в зеркале вод Патриарших прудов, но и, соединяясь с отражением в одну цепочку ... , даёт *вол-ну*.

8) Русское *диавол*, диа-Вол может быть интерпретировано как “двойная воля”, ибо *ни одно* решение Сатанаил не принимает в одиночку — *всегда* в согласии с Иешуа Га-Ноцри. Такова участь и миссия *Старшего Брата*.

9) Во-ланд это ещё и жест-восклицание «Земля прекрасна!» с выставлением большого пальца вверх; это и вопль «Вижу Землю!» вперёдсмотрящего.

10) *Воланд* — это любое волнение: от “волнения в груди” до землетрясения (тогда оно *Вол-ланд*). Включая и *треволнения*.

Он — воплощение *здорового смысла*, противопоставленного приземлённой рассудительности и животному эгоизму.

Он — враг суеверия и борец с атеизмом, который автоматически дискредитируется самим его присутствием в ситуации. Значит он — и *величайшее доказательство бытия Божия*.

Он не обижается на пошлое и злобное мифологизирование в его адрес; он иронически обыгрывает такие бессмысленные клише, как “чёртова мать” и “чёртова бабушка” (49; 471, 6; 186 и 7; 372).

Он не кичится своими возможностями (“загадывать не берусь” — 7; 159, “до известной степени” — 7; 225) и признаёт доминацию Младшего Брата (7; 196, 7; 326).

Обыгрывая имя Люцифер, иногда к Нему обращаются “*Ваше сиятельство*” (7; 187) и “*Государь*” (6; 431, 7; 156). Символами Его являются обильные в Романе *подсвечники* и *канделябры*.

Он *добродушен* (7; 407), честен, незлобив, нековарен, но — ироничен, саркастичен, несентиментален и твёрд.

Его железная воля и кряжистость сочетаются с лёгкостью и летучестью; Его *бас* (6; 87) и *горячая как огонь рука* (7; 367) создают контрастность, необходимую для закалки подопечных.

Одно слово — *Рыцарь* и *Глава рыцарей*.

“— А скажите, почему Маргарита вас называет мастером? — спросил Воланд.

Тот *усмехнулся* и сказал:

— Это простибельная слабость. Она слишком высокого мнения о том романе, который я написал”.

Вот подлинная диспозиция и расстановка сил: профан — неофит — мастер — гроссмейстер. Имя Ивана Бездомного уже прозвучало в разговоре, остальные здесь налицо. И как Иван притихает перед мастером, так и тот притихает перед Мессиром.³ Словосочетанием “простибельная слабость” мастер пытается оправдаться и сам. Он мечтал встретиться с Воландом и любимой — получил и то и другое разом. Ибо заслужил.

“— О чём роман?

— Роман о Понтии Пилате.

Тут опять закачались и запрыгали язычки свечей, задрезжала посуда на столе, Воланд *рассмеялся* громовым образом, но никого не испугал и смехом этим не удивил. Бегемот почему-то заплодировал”.

Медленно — во избежание “кессонной болезни” — мастера оживляют и оттаивают через смех; это — *терапия* и *духовная педагогика*, что не снижает значительности происходящего. Незнакомство с романом — конечно, розыгрыш (Аза-

³ С этого момента заглавная буква в названии лирического героя отменяется встречей с настоящим Мастером — Мессиром.

зелло уже цитировал его), но взаимодействие с автором — новинка, радость и упоение мистов самой процедурой. Отсюда и “аплодисмент”. А смущением мастера можно было вообще залюбоваться.

— О чём, о чём? О ком? — заговорил Воланд, перестав смеяться. — Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, — Воланд протянул руку ладонью кверху.

— Я, к сожалению, не могу этого сделать, — ответил мастер, — потому что я сжёг его в печке.

— Простите, *не поверю*, — ответил Воланд, — этого быть не может. **Рукописи не горят.** — Он отвернулся к Бегемоту и сказал: — Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман.

Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей. Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду. Маргарита задрожала и закричала, волнуясь вновь до слёз:

— Вот она, рукопись! Вот она!

Она кинулась к Воланду и восхищённо добавила:

— *Всесилен! Всесилен!*”

Теперь к *мистерии* прибщается и мастер. «Каждому по вере его»... Воланд *не верит*, что “рукопись” равняется “бумага”. Сгорает *бумага*, а *текст* — не горит. Другое дело, что восстановлению (в смысле “обратного хода киноплёнки”) подлежат лишь единичные тексты. Конкретно — **супертексты**. Именно *такая* оценка романа свидетельствует о знакомстве с ним, более того, участия в его написании Воланда и команды. Да и сама “пачка рукописей” была приготовлена заранее: Кот давно уже сидел на ней.

Замечательно, радость Маргариты от встречи с романом сильнее, чем от свидания с мастером. Ведь она заказала Мессире мастера, а не роман. Если бы она знала, что *и это* возможно... Правда, Воланд обыгрывает появление казалось навсегда утраченного романа *не как дополнительную услугу* (это было бы нарушением строгого порядка Ведомства), а как метафизическую близорукость автора. — *И было дано по вере Мессира.*

Похоже, что уважение, с каким Воланд и его свита относились к *королеве*, вызвано любовью Маргариты не к мастеру, а её преданностью роману. “Кто сказал, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?”

Вот почему *только теперь* звучит высочайшее: **Всесилен! Всесилен!**

“Воланд взял в руки поданный ему экземпляр, повернул его, отложил в сторону и молча, без улыбки уставился на мастера. <...>

— Ну, теперь всё ясно, — сказал Воланд и постучал длинным пальцем по рукописи.

— Совершенно ясно, — подтвердил кот..., — теперь главная линия этого опуса ясна мне *насквозь*”.

Ритуальные действия с романом продолжают мистериальное причащение вином-кровью на балу. Ситуация обнажена до предела с обеих сторон. Награду заработали оба.

И всё-таки, вопрос: как был “прочитан” роман? Неужели “возложением рук”? Или “поворотом”?

Ни то, ни другое. Производилась последовательная цепь акций, вроде вращения бриллианта для любования всеми гранями. В эту цепь входила и тактильная часть; прикосновения, несмотря на их ювелирную точность, были не столько “касаниями пластинки иглой звукоснимателя”, сколько лаской объекта, так обожаемого королевой.

Главную линию опуса Кот хотя и считал ягодицами, но понял её *насквозь*. Во всяком случае, посчитал, что понял.

Любопытно, в весёлой, снимающей напряжение момента перепалке между Бегемотом и Азazelло повар “утопически” мечтает утопить Кота, а тот взывает его проявить свойства смежного Ведомства.

В это время Маргарита с мастером обсуждают, куда и в какое время вернуться.

“— Прошу опять вернуть нас в подвал в переулке на Арбате, и чтобы лампа загорелась, и чтобы всё стало, как было”.

Не густо. Или по-русски — *безвкусица*. Маргарита решила не мудрить. И поставить звукосниматель вновь на начало диска, судя по “лампе”, на первый аркан Стратификации *Отшельник*. Но разве страдания, ставшие духовным опытом, можно отменить? Маргарите ударил в голову хмель “исполнения желаний”.

Мастер первым подверг сомнению теоретическую возможность этого замаха (“замыслом” его трудно было назвать).

“— Ах, не слушайте бедную женщину, мессир. В этом подвале уже давно живёт другой человек, и вообще не бывает так, чтобы всё стало, как было. <...>

— Не бывает, вы говорите? — сказал Воланд. — Это верно. Но мы попробуем”.

Начинается сцена с Алоизием Могарычём.

Зоил Алоизий написал, жаба, “жалобу с сообщением о том, что он (мастер) хранит у себя нелегальную литературу”. И сейчас этот жлоб трясся от страха в одних подштанниках пред всей честной компанией. Его удалили, как нарыв, затем выкорчевали и остальные улики ползучие. Не забыли и про “документики”; получив их, мастер и Маргарита вновь вышли из небытия и стали сквозить из метафизического пространства в физическое.

Наступила очередь Наташи.

Та попросила оставить её ведьмой. То есть малой частицей *ведь*. — Исполнили.

Следом прикондыбал мрачный Николай Иванович за справкой “на предмет представления милиции и супруге”.

“Голая Гелла” отбарабанила на ундервуде удостоверение.

“— А число? — пискнул Николай Иванович.

— Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной”.

Это вроде бы чисто гротесковое заключение на самом деле ещё один из афоризмов Евангелия Сатаны. Временное требует фиксации во времени, трансцендентное может быть обозначено только суммой пунктов. — Важная информация.

Посему Рождество Христово каждый раз празднуется как вновь происшедшее событие.⁴

Наконец, мотыльком в абажур тычется Варенуха.

— Это ещё кто? — брезгливо спросил Воланд, рукой заслоняясь от света свечей.

Варенуха повесил голову, вздохнул и тихо сказал:

— Отпустите обратно. Не могу быть вампиром. Ведь я тогда Римского едва насмерть с Геллой не уходил! А ведь я не кровожадный. Отпустите.

— Это что ещё за бред? — спросил, морща лицо, Воланд. — Какой такой Римский? Что это ещё за чепуха?

— Не извольте беспокоиться, мессир, — отозвался Азazelло и обратился к Варенухе: — Хамить не надо по телефону. Лгать не надо по телефону. Понятно? Не будете больше этим заниматься?

От радости всё помутилось в голове у Варенухи, лицо его засияло, и он, не помня, что говорит, забормотал:

— Истинным... то есть я хочу сказать, ваше ве... сейчас же после обеда... — Варенуха прижимал руки к груди, с мольбой глядел на Азazelло.

— Ладно, домой, — ответил тот, и Варенуха растаял”.

Чрезвычайно важный момент для понимания структуры Ведомства Справедливости и характера его работы.

Мелкота-Варенуха невидим с высоты обзора Сатанаила; он, как пыль, просто порошит Воланду глаза. Такие подробности дальнего различимы лишь для его помощников. “Костоправ” Азazelло, подручный “Князя лжи” *выговаривает за ложь* проштрафившемуся администратору, школит великовозрастного недоумка.

Ведь и впрямь перестань команда Воланда быть гуманной — принцип справедливости будет мгновенно погран. Приходится повару Мессира “засучив рукава” безропотно и без усталости месить тесто обыденности, выдёргивая плевелы человеческих недостойностей. *Этот размер* — его компетенция.

Наступает время последних напутствий.

— Теперь все оставьте меня одного с ними, — приказал Воланд, указывая на мастера и на Маргариту”.

Это — демонстрация величайшей ценности его выпускников. “Разговор наедине” — самая *трудная* страница Романа. Потому как выбор у них действительно невелик. Шаг вперёд или назад — выход за узкую полосу жизни; шаг в сторону — побег, при котором, как известно, “стреляют без предупреждения”. Земную школу оба закончили досрочно, а для *оттачивания* и *детализировки* — условия не те. Мастер признаётся без обиняков: “...меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал”. Роман ему “ненавистен”: он “слишком много испытал из-за него”.

Слабость “сильного пола” смущает мужественную Маргариту.

— Я умоляю тебя, — жалобно попросила Маргарита, — не говори так. За что же ты меня терзаешь? Ведь ты знаешь, что я всю жизнь вложила в эту твою ра-

⁴ См. Кандауров О. З. Рождение Солнца Любви. — НиР, 1995’12.

боту. — Маргарита добавила ещё, обратившись к Воланду: — Не слушайте его, мессир, он слишком замучен”.

Возникает парадоксальная ситуация: текст экзаменацию выдержал, а автор — нет. Приходится Воланду, шутя и иронизируя, спускать ситуацию “на тормозах”. Если можно ещё как-то отказаться от беллетристического опуса, то отказ от Евангелия — духовное преступление, какому извинения нет. Поэтому, хотя имя Понтия Пилата звучит несколько раз, имени Иешуа Га-Ноцри Воланд тщательно избегает. Предлагая описать Алоизия Могарыча, он пытается снять остроту момента, даёт понять, что ответы мастера уже в зачёт не идут и готовый роман числится за Маргаритой, а не за отступником-автором. Глава Ведомства Справедливости при этом милосерден, как Иешуа, и старается изо всех сил не понизить выпускной статус мастера своим тестированием, бурлескными фразами тщательно маскируя слово “банкрот” на шкале прибора.

“Маргарита отделилась от мастера и заговорила очень горячо:

— Я сделала всё, что могла, и я нашептала ему самое соблазнительное. А он отказался от этого.

— То, что вы ему нашептали, я знаю, — возразил Воланд, — но это не самое соблазнительное. А вам скажу, — улыбнувшись, обратился он к мастеру, — что ваш роман вам принесёт ещё сюрпризы.

— Это очень грустно, — ответил мастер.

— Нет, нет, это не грустно, — сказал Воланд, — ничего страшного уже не будет”.

Это последние слова предопределения. Принципиальные решения по карме приняты, хотя судьба мастера ещё не решена.

Главным действующим лицом оказывается *роман*; передача его для ознакомления смежному Ведомству и должна принести сюрпризы. Никакого отношения к посмертной судьбе МиМ эти слова не имеют. Только слепота и тупое самодовольство толпы могли дать ей повод вообразить, что популярность у неё есть высшая мечта автора. Пока он *писатель* — возможно; когда он *пророк* — нет. «Исполни волею Моей» — альфа и омега каждого адепта. То, что *только адепт* мог создать *такой* текст, как роман о Пилате, сомнению не подлежит и визировано Высшими Силами. “Толпа во все времена толпа — чернь”, — говорит “инженер” в одной из ранних версий Романа (7; 236).

Далее. Воланд намекает на приятные сюрпризы. Действительно, если человек совершил подвиг и всё же не пал на поле брани, а сохранил жизнь, пусть и оставшись инвалидом, роняет его в глазах толпы, но не во мнении Высших Сил. Роман написан — результат девальвировать невозможно ни сожжением, ни отступничеством. Маргарита в *этот* момент становится креативной *Сольвейг* — здесь двух мнений нет. Вот мы и пришли всё к тому же *пути Солнца* — в этом-то вся и *соль*.

Но *чем* “пыталась соблазнить” мастера Маргарита, *какие* более мощные соблазны имел в виду Воланд, так и остаётся вне ведения читателя и Булгакова вместе с ним. Это белое пятно на теле Романа — не “неведомое”, просто седина, пауза и пробел.

— Ну-с, Маргарита Николаевна, всё сделано. Имеете ли вы ко мне какую-нибудь претензию?

— Что вы, о, что вы, мессир!

— Так возьмите же это от меня на память, — сказал Воланд и вынул из-под подушки небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами.

— Нет, нет, нет, с какой же стати!

— Вы хотите со мной поспорить? — улыбнувшись, спросил Воланд.

Маргарита, так как в плаще у неё не было кармана, уложила подкову в салфетку и затянула её узлом”.

Вот как кончается *настоящий* договор с Сатаной. Это непрерывное парение в *горних*. И то, что есть существо, с которым бесполезно спорить — величайший дар Отца нам, *детям божьим*. Так же невозможно спорить и с Иешуа Га-Ноцри, восседающим на троне Царя Мира по ту сторону бытия. Суждения Их безапелляционны, мнения Их не релятивны, решения — не бесчеловечны.

И подарок Воланда — под стать ему самому. Подкова — двойной символ Иезода: во-первых, как *основание* конно-рыцарского единства, во-вторых, как *знак Луны*, относящийся к символизму планетарной структуры сефиры. Материалы, из чего был изготовлен подарок, соответствовали и дарителю и ей, *алмазной донне с золотым сердцем*, — это было в порядке вещей.

Дальше — провал в глубочайшую мистику ситуации.

“Тут что-то её изумило. Она оглянулась на окно, в котором сияла луна, и сказала:

— А вот чего я не понимаю... Что же это — всё полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?

— Праздничную полночь приятно *немного и задержать*, — ответил Воланд. — Ну, желаю вам счастья!

Маргарита *молитвенно* протянула обе руки к Воланду, но не посмела приблизиться к нему и тихо воскликнула:

— Прощайте! Прощайте!

— До свидания, — сказал Воланд”.

Нашедшим друг друга Воланд желает счастья... Но какое может быть счастье без помощи Высших Сил? Потому-то так многозначительно финальное Воландовское “до свидания”.

Навсегда остаются в памяти “молитвенно протянутые руки” к *тому*, кто не менее, чем Планетарный Логос, достоин такого отношения. Он так же заботлив, благороден и высок и действует не в ущерб человечеству и своему любимому Брату.

Вслед за этой величественной сценой следует кода, которая могла бы стать и целой главой, если бы числовая символика и сложнейшая композиционная структура такое позволяли. Мы снова оказываемся в Москве 30-х годов, знакомой нам по Первой части Романа.

Приключения начинаются с того, что при спуске по лестнице знаменитого дома — компанию отбывающей паре составляли Азazelло, Гелла и Кот — Маргарита

вдруг вскрикнула: “*Боже, я потеряла подкову!*”, причём ни малейшей идиосинкразии у провожающих обращение не вызвало. Азazelло отправляется на поиск пропажи и сталкивается с Аннушкой-чумой, нашедшей подарок Воланда.

Помимо деликатного припорашивания смехом патетических глубин первой половины главы, вторая её половина отвечает на резонно возникающий вопрос: если оба Ведомства наполнены святыми, рыцарями, гуманистами и джентльменами, то злыдни-то *кто*, подонки-то *где* и *куда* показывает стрела с канонической надписью “ад”?

Булгаков контрастно располагает два мира рядом: в квартире № 50 псевдоносители зла, оклеветанные “чернью”, а *ниже*, в квартире № 48, — подлинное “исчадье ада”, фурия и чума Аннушка, *аннальное* отверстие соврежима. Ходила она постоянно с *бидоном*, и, встречая её, нормальный человек знал — *быть биде*.

В тот день Аннушку потянуло на добычу рано — ни свет ни заря она уже высунула нос из берлоги и была снесена просвистевшим мимо неё человеком в одних подштанниках, кепке и с чемоданом в руке, но при этом с закрытыми глазами. На вопрос “Куда ж тебя *чёрт несёт?*” встреченный не ответил и упорхнул в окно кверху ногами.

“Аннушка *перекрестилась* и подумала: «Да, уж действительно квартирка номер пятьдесят! Недаром люди говорят!.. Ай да квартирка!..»”

Затем ещё двое таким же путём покинули дом на Садовой. Наконец из помянутой ею “квартирки” стала спускаться компания, но уже “обыкновенно, как все люди ходят”. “Тут что-то стукнуло на площадке”. Едва шаги стихли, она “*как змея*” выскользнула из укрытия, стала шарить и мгновенно нащупала оброненный узелок.

“Глаза у Аннушки полезли на лоб, когда она развернула свёрточек. Аннушка к самым глазам подносила драгоценность, и глаза эти горели совершенно волчьим огнём. <...>

Аннушка спрятала находку за пазуху, ухватила бидон и уже собиралась скользнуть обратно в квартиру <...>, как перед нею вырос, *дьявол его знает* откуда взявшийся, тот самый с белой грудью без пиджака и тихо шепнул:

— Давай подковку и салфеточку.

— Какую такую салфеточку-подковку? — спросила Аннушка, притворяясь весьма искусно. — Никакой я салфеточки не знаю. Что вы, гражданин, пьяный что ли?

Белорудый твёрдыми, как поручни автобуса, и столь же холодными пальцами, ничего более не говоря, сжал Аннушкино горло так, что совершенно прекратил всякий доступ воздуху в её грудь. <...> Подержав некоторое время Аннушку без воздуха, беспиджачный иностранец снял пальцы с её шеи. Хлебнув воздуху, Аннушка улыбнулась.

— Ах, подковочку? — заговорила она. — Сию минуту! Так это ваша подковочка? А я смотрю, лежит в салфеточке... Я нарочно прибрала, чтобы кто не поднял, а то потом поминай как звали!

Получив подковочку и салфеточку, иностранец начал расшаркиваться перед Аннушкой, крепко пожимать ей руку и горячо благодарить. <...> [Затем] иностранец в один мах проскользнул через целый марш лестницы вниз, но прежде чем смяться окончательно, крикнул снизу, но без акцента:

— Ты, *старая ведьма*, если когда-нибудь ещё поднимешь чужую вещь, в милицию её сдавай, а за пазуху не прячь!”

Эта написанная в стиле Гойи сцена многое проясняет и ставит на свои места в плане этических норм и оценок. С одной стороны, *крестящаяся* “старая ведьма”, насквозь лживая, с хищным “волчьим огнём” в глазах; с другой, “*дьявол его знает* откуда взявшийся” демон Азazelло, который учит эту “ведьму” понятными ей методами порядочному поведению.

Автомобиль с грачом, рассыпавшийся было накануне, вновь как ни в чём не бывало стоял во дворе, мастер и Маргарита уселись на сидения, и через мгновение влюблённые были у себя на Арбате.

Утомлённый происшествиями мастер тут же уснул, а Маргарита ещё долго сидела за столом, переваривая всё случившееся в эту волшебную ночь.

“Она гладила рукопись ласково, как гладят любимую кошку <...> На неё накатила вдруг ужасная мысль, что это всё колдовство, что сейчас тетради исчезнут из глаз, что она окажется в своей спальне в особняке и что, проснувшись, ей придётся идти топиться. Но это была последняя страшная мысль, отзвук долгих переживаемых ею страданий. Ничего не исчезало, *всесильный Воланд был действительно всесилен*, и сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, могла Маргарита шелестеть листьями тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова:

— Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Да, тьма...”

Так кончается этот огромный — в шесть глав — единый поток событий; как огненная лава, он подхватывал всё на своём пути, мусор сжигал, всё ценное вбирал в себя, расплавляя. Персонажи скользили из одного пространства в другое, из измерения в измерение и обратно — без туристического праздного любопытства, местечкового мистицизма и спортивного интереса. Решались кровные, жизненно важные, насущно необходимые вопросы, ставкой была жизнь — всё было всерьёз. Что не мешало ни юмору, ни веселью.

Так раз *всерьёз*, значит — *реально*. Реальность излагаемого обеспечивают Высшие Силы. Каждый *настоящий* человек обязан уметь *доказать* бытие Божие; Бог же должен *показать* осмысленность существования *настоящего* человека. Когда философия исчерпала ресурс логических *доказательств*, духовная культура на смену выдвинула метод эзотерических *показательств*. Априорная визуальная, звуковая и гностическая убедительность показываемого ещё мощнее, плотнее и неразрывнее дала возможность приобщиться к трансцендентному. Внутренняя связность, органичность и красота тех и других позволили говорить о «логике мифа», о диаметральной противоположности *мифа* и *фэнтэзи*, разница между которыми покрывается единым понятием — *реальность*. Ибо самое драгоценное во

Вселенной — *Истина* — прежде всего *реальна*. Она может быть видима — и невидима, плътна — и бесплотна, осязаема — и неосязаема; но чтобы *явиться* человеку, она должна *проманifestировать* себя. И только художник, призванный фиксировать манифестирующую себя Истину и делающий это адекватно, способен стать ей вровень, т. е. достигнуть подлинного богоподобия. «Ты, Моцарт, бог» — покамест только Моцарт.

Хотя...

Оглядимся вокруг. Вот ещё один “реалист в высшем смысле”.⁵ Это значит только одно: певец *высшей реальности*. И сам Булгаков: *всё очень просто, что видишь — пиши, а чего не видишь — о том писать не следует*. Пока речь шла о происшествиях в Киеве времён Гражданской войны, это было терпимо. Когда же из-под его пера появились *мир горний, Иешуа Га-Ноцри* и *Сатана* — это стало абсолютно нестерпимо для сознания обыденности. Небольшие достоинства личности толпа ещё переносит, капитальные отличия от себя принимает в штыки: “Чтоб возмутив бескрылое желанье в нас, чадах праха, после улететь! — Так улетай же! Чем скорей, тем лучше”.

Конфликт мастера с обществом, которое он начал знакомить со своим романом, был этого свойства. Не “писать о”, а **увидеть** Ершалаим, Пилата, Иешуа Га-Ноцри в стране атеистов или “воцерковлённых” суеверов (атеистов же) — значит подписать себе приговор в отщепенчестве. *Один идущий в ногу* — это действительно нонсенс.

Написать, прочесть близким и даже напечатать малым тиражом не для продажи (как В. Шмаков «Пневматологию»), т. е. для распространения в узком кругу единомышленников, — куда ни шло. Пытаться опубликовать свои откровения для миллионов — воистину, надо быть “трижды романтическим”. Это значит сказать толпе: я один зрячий, я один умный, и даже больше — *есть* я один.

И будь это ложь, неоправданный выпендрёж, может быть, можно было и аплодисмент сорвать — за дерзость.

Весь ужас в том, что *это была правда*.

Судите сами.

⁵ Любимый гностический автопортрет Ф. М. Достоевского.